К 80-ЛЕТИЮ ЭДГАРА ГЕОРГИЕВИЧА МАРТЬЯНОВА

Немузыкальное приношение. К юбилею мастера

М.В. Шустрова,
преподаватель теоретических дисциплин
ГБПОУ ВО «ВОМК им. А. П. Бородина»

21 апреля Эдгар Георгиевич Мартьянов отмечает свой восьмой юбилей. Когда я узнала об этом, у меня спонтанно возникла идея написания статьи о жизни мастера. Пару лет назад я откликнулась рецензией на сольный концерт его ученицы Софьи Игнатенко. Эдгар Георгиевич положительно отреагировал на мою работу, и наши отношения перестали быть официальными. С тех пор любое значимое событие в жизни Сони горячо обсуждалось при встречах со старшим коллегой.

Юбилей Эдгара Георгиевича не менее, если не более, важное событие и, по-моему, серьезный повод взяться за перо. Долгое и плодотворное пребывание в нашей профессии всегда вызывало во мне чувство глубокого уважения. Ведь, педагогика, безусловно, как дорогое вино – с годами только «крепнет». По моему убеждению, опыт делает хорошего педагога бесценным и незаменимым. Мне захотелось прикоснуться к секрету этого долголетия, узнать об этом человеке побольше, рассказать о нем молодым.

Я попросила Эдгара Георгиевича о нескольких встречах для более близкого знакомства, потому что никогда не училась в его классе. Параллельно я дала задание его выпускницам разных лет. Девочки должны были написать о «методике Мартьянова», чтобы информация была неискаженной, из первых рук. В итоге получился ряд статей о жизни и педагогической деятельности Э.Г. Мартьянова. Надеемся, что статьи будут интересны не только юбиляру как подарок от всех участников, но и познакомят коллег и учеников Эдгара Георгиевича с некоторыми страницами его жизни.

Семья Э.Г. Мартьянова имеет петербургские корни. До революции дед, Владимир Иванович Квашенинников, был управляющим в банке и дружил с Елисеевым, владельцем сети знаменитых магазинов. Деда посадили после Октябрьской революции, сослали на Соловки, а после возвращения отправили в ссылку в Саратов. В Петербурге семья жила в новом доме на углу ул. Дегтярной и ул. Советской в огромной квартире, которая после революции и ссылки всей семьи в Саратов, как водится, превратилась в

коммунальную. Эдгар Георгиевич особо отмечает, что, несмотря на то, что все обрушилось, его родственники остались людьми.

Все петербургские родственники Э.Г. Мартьянова умерли от голода в блокаду. Выжила только родная тётя. Она варила плитки столярного клея, сделанного из костей животных, и организм это варево не отвергал.

В семье деда музыкантов не было, но отец, Георгий Владимирович, регулярно посещал филармонические концерты и лично слышал многих виртуозов того времени, о чем позднее рассказывал сыну. В Петербург в те годы приезжали пианисты В. Горовиц, А. Шнабель, Э. Петри, дирижеры О. Клемперер, К. Цекки и др. В голодные и холодные 20-е годы Георгий Владимирович брал частные уроки игры на фортепиано у Розины Левиной. Позднее она эмигрировала в США и стала педагогом знаменитого В. Клиберна.

Несмотря на отсутствие трамваев, обычным в среде петербургской послереволюционной интеллигенции было посещение концертов и выставок. До революции дед коллекционировал картины. Некоторые работы передвижников и эскизы, несмотря на лихое время потерь, удержались в семье и украшали комнату родной тети Эдгара Георгиевича.

Семья мамы Эдгара Георгиевича, Нины Григорьевны Мартьяновой, жила трудно. Ее отец работал в филиале фабрики Зингера, но рано ушел из жизни, и его жена и дочь остались без средств к существованию. Бабушка Э.Г. Мартьянова профессии не имела. Полячка благородных кровей, она устроилась работницей в зажиточную еврейскую семью за еду для дочери.

В молодости Нина Григорьевна училась в Ленинградской консерватории у И.С. Миклашевской, но не закончила курс. Она работала в Ленинградской филармонии концертмейстером, в частности, с дирижером И. Мусиным. В конце 30-х годов она приехала на гастроли в Саратов со знаменитым балалаечником Б. Трояновским, на ее концерт пришел Георгий Владимирович. Молодые люди встретились и полюбили друг друга. Эдгар Георгиевич говорит, что сейчас, в наше практичное время никто не верит, когда узнает историю отношений его родителей. Из-за любви Нина Григорьевна осталась в Саратове и не вернулась в Ленинград.

Родители получили комнату в коммунальной квартире, но в центре города. Маме было удобно бегать на репетиции и концерты, брать туда маленького сына. Общеобразовательная и музыкальная школы, филармония и оперный театр, позднее музыкальное училище и консерватория были в шаговой доступности.

В Саратове мама преподавала в музыкальном училище общее фортепиано. В ее классе были, например, вывезенные во время войны из

Испании дети-подростки, учившиеся «с нуля». Им было поздно «ставить руки». Чтобы они могли играть этюды и сдать технический зачет, Н.Г. Мартьянова придумала интересный ход. Ребята должны были сочинить и сыграть свои собственные этюды, и их пальчики побежали. После войны к Нине Григорьевне пришел военный стрелок Герман Черноусов. Не имея музыкального образования, он захотел учиться играть на фортепиано. Через несколько лет Г. Черноусов поступил в музыкальное училище с Первым концертом для фортепиано с оркестром С.В. Рахманинова.

Нина Григорьевна работала также в Саратовской филармонии. Будучи очень опытным концертмейстером, она прекрасно и быстро читала с листа, что передалось сыну. В ту пору коллективов были единицы, солисты приезжали в одиночку и на месте создавали ансамбль, набирая артистов. Все было «живое». Если приезжали солисты из Москвы, они охотно играли с Ниной Григорьевной, не говоря о саратовских музыкантах.

Среди многочисленных партнеров матери Эдгар Георгиевич особенно выделяет слепого баяниста И.Я. Паницкого, который играл по слуху. Уже тогда наш герой задумался о том, почему слепые играют блестяще, о том, как правильно учить музыканта, что важнее: зрительное или слуховое. Ведь музыканту с особенностями никто не ставит руки, у него работает только слух и осязание, все движения он находит сам, естественным путем проверяя их целесообразность на практике, на звуке.

В возрасте семи лет родители отдали Эдгара Георгиевича в музыкальную школу. В семье меломана и пианистки этот выбор был предсказуем. Отец мечтал, чтобы сын стал пианистом. Мальчик не сопротивлялся, но большого усердия не проявлял. Однако в 15 лет, в последнем классе им был сыгран Первый концерт для фортепиано с оркестром Л. Бетховена в сопровождении оркестра, созданного его другом. Эдгар Георгиевич учился вместе с Ю.И. Симоновым, который начинал как скрипач, но уже в школе дирижировал оркестром ДМШ и позднее стал крупным оперным дирижером. С 1969 по 1985 г. он занимал пост главного дирижера Большого театра.

Саратовское музыкальное училище и консерватория находились в одном здании, все «варилось в одном котле». В училище педагогом Э.Г. Мартьянова стала Л.М. Адаменко – очень хороший педагог, ученица А. Гольденвейзера. Находившаяся в те годы в расцвете, она много играла в классе и на концертах. Л.М. Адаменко как умный педагог, учила своих студентов «играть мысль». Репертуар ее ученика Э.Г. Мартьянова был обычным для училища.

С сольфеджио проблем не было, потому что у Эдгара Георгиевича – абсолютный слух. Удивляла его преподаватель музыкальной литературы Горская, которая не только живо и образно рассказывала о музыке, но и блестяще иллюстрировала рассказ отрывками из музыкальных произведений. Пластинки и проигрыватели тогда были редкостью. Ученики слушали с открытыми ртами.

В консерватории Э.Г. Мартьянов закончил класс ученика К. Игумнова, заведующего кафедрой специального фортепиано, кандидата искусствоведения Б.А. Гольдфедера. В те годы он постоянно концертировал, слушателям запомнилось его великолепное туше. В Саратовской консерватории имеется шикарный концертный зал с роялем, подаренным С.В. Рахманиновым. В 50-е годы в консерваторию с концертами часто приезжали Г. Нейгауз, Э. Гилельс, Д. Ойстрах. Среди ярких впечатлений консерваторских лет Эдгар Георгиевич отмечает выступления Л. Оборина, молодого Д. Башкирова, педагога консерватории Афанасьева, который несравненно исполнял Шопена.

На выпускном экзамене случилась история, которую Э.Г. Мартьянов до сих пор с удовольствием рассказывает. За два месяца до государственного экзамена пианистам присылается новое произведение, которое они должны выучить самостоятельно и сыграть. В 1964 г. на выбор прислали Рондо Д. Кабалевского и Чакону С. Губайдулиной. Эдгар Георгиевич уверенно выучил тему чаконы, а вариации «в духе Губайдулиной» импровизировал сам. Комиссия поняла, что музыка другая, но оценили импровизацию смелого студента высоко.

Любимые композиторы Э.Г. Мартьянова: Ф. Шуберт, Ф. Шопен, Й. Брамс, М. Мусоргский. Шуберт заложил уважение к вокалу, пытаясь хоть как-то приблизиться к пению на рояле. Шопен – золотой композитор для пианистов. Брамс привлекает своей манящей недосказанностью. Г. Нейгауз как-то в разговоре с В. Горностаевой заметил: «Есть тип композитора, который сказал больше, чем мог сказать. Это Лист. Другой тип – сказал ровно столько, сколько мог. Это Шопен. А есть тот, кто сказал меньше, чем мог. Это Брамс». Эдгар Георгиевич согласен, что до конца Брамс не раскрылся, он мог сказать больше.

Мусоргского Э.Г. Мартьянов называет уникальным, не похожим ни на кого. «Второго такого композитора не было и не будет. У него был абсолютный слух на русскую речь, которую он мог записать звуками. Взять хотя бы «Детскую». Он потрясающе слышит детские интонации». Э.Г. Мартьянов обожает джаз, с удовольствием импровизирует в джазовой манере. Современную музыку он считает удобной для педагога. В ней можно

построить конструкцию, бесконечно искать оркестровые краски. Она полезна для развития, но Эдгара Георгиевича к ней не тянет. Его душа принадлежит романтизму и Д. Скарлатти, музыка которого лучезарна, как ни у кого, «она есть радость жизни без озабоченности».

После двухлетней обязательной отработки в Нальчике Эдгар Георгиевич всей семьей вместе с родителями решил перебираться поближе к Москве. В пединституте Владимира открывался музыкальный факультет. Кроме того, преподавателю сразу давали трехкомнатную квартиру.

В годы, когда Э.Г. Мартьянов работал в педагогическом институте, камерный ансамбль и концертмейстерский класс музфака были на хорошем уровне. С А.А. Тихоновым студенты Эдгара Георгиевича играли сонаты Й. Брамса и Д. Шостаковича, заслужив одобрение московской комиссии. Концкласс Э.Г. Мартьянова в педагогическом институте закончили Ю. Дудорова и Н. Молодцова.

За более чем 50 лет жизни в нашем городе Э.Г. Мартьянов преподавал в пединституте, музыкальном училище (колледже), в ДМШ при колледже, в капелле мальчиков, совмещая нагрузку в разных учебных заведениях. Он вел специальное фортепиано, камерный ансамбль, концертмейстерство, общее фортепиано. По общему фортепиано Эдгару Георгиевичу нравится заниматься, потому что есть въедливые, хваткие ученики. У них мало времени для занятий фортепиано, но среди них встречаются творческие личности, они стараются и, начиная «с нуля», играют в итоге прилично.

Для педагога каждый ученик, с которым сложились доверительные отношения, памятен и дорог по-своему. «Люблю детей, из них можно что-то лепить. Ни одного нельзя рассчитать на многие годы вперед». Самым главным качеством ученика Эдгар Георгиевич считает порядочность. «Вранье – самое страшное». Ведь когда ученик не обманывает и старается, даже при отсутствии таланта с ним можно работать.

«Задача педагога – научить ребенка желать того, что он реально может сделать. Придя, например, в магазин с десятью рублями, он планирует покупку на 10 рублей и не претендует на большее за отсутствием средств. Так же надо относиться к своим желаниям в профессии. Их надо соотносить со своими возможностями. Техника чаще бывает у собранных и организованных. Но скоростные пальцы должны соответствовать уровню мозгов и ушей. Скорость без смысла идет мимо музыки. Скорость легче дается тем, кто просто чешет пальцы, но голова быстрее работать не может. Надо все свести к одному знаменателю. У несобранного ученика техника страдает. Желание играть смысл появляется раньше возможностей. Такого ученика надо приучать к скорости и играть с ним десять этюдов. Методика,

вообще, должна быть индивидуальной, общие подходы тормозят развитие, если они не помогают. Надо всех учить по-разному».

Эдгар Георгиевич считает, что пианисту нужны не пальцы, а ум и слух, и ставить ничего не надо. Сначала надо выучить по слуху, пальцы зашевелятся за мыслью. С возрастом руки встанут, если есть музыкальность. Надо, чтобы «чесались» уши, а не пальцы. Уши должны передавать сигнал в кончики пальцев, и опираться надо на левую руку, которую учим в первую очередь. Она основа слуха, дающая возможность услышать обертоны.

«Полюби инструмент, положи на него руки и закрой глаза, услышь музыку, которую сейчас будешь играть. Услышь так, как сможешь сыграть. Нельзя играть, ненавидя рояль, педагога и музыку. А ведь нередко в музыкальную школу отдают без желания. От этого идет испуг и зажим на сцене вместо естественной для человека свободы, с которой он рождается». Своими особо выдающимися ученицами Эдгар Георгиевич считает Л. Надирову, Е. Голенко, О. Барабашеву, Ю. Чернову, Е. Юдину, С. Игнатенко.

Для Эдгара Георгиевича равноценно преподавать и играть на рояле. Параллельно с педагогической деятельностью он работал постоянным концертмейстером в филармонии, участвовал в лекториях с вокалистами, но не гастролировал. Н. Егорова и Э.Г. Мартьянов стали лауреатами конкурса старинного романса. С домристом В. Никулиным они исполняли Рондо Моцарта и Концерт для домры с оркестром Н. Будашкина. С виолончелисткой М. Тарасовой (лауреат конкурса им. П.И. Чайковского) Эдгар Георгиевич играл сонату А. Шнитке и пьесы Р. Шумана. Ансамблевое исполнительство Э. Г. Мартьянов считает самым приятным музицированием. Оно дает общение с другим музыкантом, с которым нужно быть «на одной волне». Обертоны у каждого инструмента разные, с каждым – разное прикосновение, качество звука. Репертуар солистов значительно обогащает кругозор концертмейстера, его профессионализм растет.

Э.Г. Мартьянов с молодых лет интересовался творчеством исполнителей-современников. Это, в первую очередь, конечно, пианисты. Джазовый пианист Э. Гарнер является для Эдгара Георгиевича уникальным образцом. Он не знал нот, импровизировал на знакомую мелодию с гармонией рахманиновской сложности, его руки не играли вместе, всё время как бы продолжали друг друга. Этому нельзя научить.

Один из наших современников, пианист Б. Березовский восхищает Э.Г. Мартьянова свободой, вольностью, фантазированием с классическим текстом, который словно создается под его пальцами. Ощущение импровизационности в хорошем понимании всегда есть в его игре. В Сонате

h-moll Листа, например, он исполняет не просто пассажи, а ищет музыку и глубину в каждом моменте текста.

По совокупности заслуг в 2007 году Эдгар Георгиевич Мартьянов был удостоен звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Эдгар Георгиевич Мартьянов. Мысли

Софья Игнатенко,
выпускница ГБПОУ ВО «ВОМК им. А.П. Бородина» (2019)

Эдгар Георгиевич Мартьянов – неординарная личность, человек с богатейшим жизненным опытом. Он очень мудрый, практичный, с хорошим (замечательным!) чувством юмора.

Я впервые увидела Эдгара Георгиевича в младших классах. И хотя тогда я была далека от мира музыки, Эдгар Георгиевич сумел заинтересовать меня. И так – с каждым ребенком. Он любит детей, потому что они искренны и наивны. Мне иногда кажется, что он сам как большой ребенок (в хорошем понимании): искренний и влюбленный в музыку.

Эдгар Георгиевич – кладезь историй, анекдотов, былей и небылиц. Его рассказы всегда забавные, смешные, но не без смысла. Он – настоящий музыкант, имеющий совершенно оригинальное (свое!) представление о музыке, звуке, творчестве в целом. Он считает (и я полностью с ним согласна), что наш мозг – великая вещь: с его помощью можно вызвать любые ощущения, соединить кончик уха с кончиком пальца.

Интересно, что Эдгар Георгиевич не принимает такой предмет как методика (и ему подобные предметы). Он считает, что это искусственное обучение и является приверженцем естественного развития музыканта: естественного положения руки (никакой постановки!) и пальцев, естественного использования всех ресурсов тела в игре. Тогда звук будет красивее, благороднее. А ведь это самое главное! Как говорит мой учитель: «Если вокалист поет правильно, но некрасивым звуком – его никто слушать не будет!»

Все четыре года учебы мы занимались исключительно звуком. Работа над звуком занимает всю жизнь музыканта. Но благодаря Эдгару Георгиевичу я понимаю, как работать, я могу работать.

Мне очень нравилось то, что он никогда не боялся давать сложные произведения (мы всё осиливали!), незаигранную программу; нам <u>всегда</u> было интересно вместе работать.

Эдгар Георгиевич ратует за то, чтобы студенты больше играли вместе (а не только с иллюстраторами), чтобы пианисты играли в оркестрах, с хором – чтобы у нас была реальная практика. Это он «открыл» наш с Ксюшей Серовой ансамбль фортепиано и гуслей, он курировал нас на протяжении трех лет, выставлял на концерты.

Что касается наших с ним отношений, то учитель всегда был на моей стороне, какие бы решения я не принимала, всегда поддерживал и успокаивал меня (в последний год я ему подпортила нервы). Я очень благодарна этому золотому педагогу и человеку, который стал мне родным за эти годы. Именно Эдгар Георгиевич Мартьянов сделал из меня музыканта. И сколько людей благодаря Эдгару Георгиевичу влились в этот прекрасный мир музыки, остались в нем и дарят свою любовь другим!

Эдгар Георгиевич Мартьянов

Юлианна Чернова,
выпускница ГБПОУ ВО «ВОМК
им. А.П. Бородина» (2014)

Эдгар Георгиевич – Педагог от Бога. Тому, что он умеет, нельзя научиться – это дар.

В первую очередь, он – добрый и чуткий человек, тонкий психолог. Это и есть основа его педагогики. Всегда отметит изменения в ученике, знает, что и когда нужно сказать, прекрасно чувствует настроение человека и найдет подход к любому. Помню, как лет в семь сказала подружке: «Эдгар Георгиевич такой добряк!». Мы долго смеялись, потому что это слово созвучно названию магазина.

Каждый его урок – это профессиональная импровизация, в которой состояние и чувства ученика перерабатываются и транслируются в музыке. С помощью ассоциаций, историй, представлений ищутся нужные ощущения, нужный звук. Главное правило: сначала услышать внутри и представить звучание, понять ощущение, и только потом оно появится в звуке, выйдет из-под кончиков пальцев.

Методика Эдгара Георгиевича – это отсутствие единой методики, он создает идеальные условия для каждого студента, в котором максимально сможет раскрыться его индивидуальность.

Свобода – это главное, над чем работает наш педагог. Свобода в мыслях, в теле и движениях. Свобода, но не вседозволенность. Она

постепенно развивается в каждом студенте под чутким руководством наставника. Самое интересное, что слова «освободись», «расслабься» практически не произносятся. В основном свобода развивается естественно, с помощью беседы и множества приемов, облегчающих игру.

Вообще, с первого дня обучения (а я учусь у Эдгара Георгиевича уже 18 лет, начиная с пяти лет) он доказывает, что играть – это просто. С первых уроков им воспитывается чувство ритма: «В здоровом теле – здоровый пульс» – одно из любимых выражений. Очень часто он акцентирует внимание на слове «ИГРА (на фортепиано)». Игра, а не работа. Игра – это естественное состояние для ребенка, то, что мы утрачиваем с возрастом. При правильном подходе музыкант всю свою творческую жизнь не работает за инструментом, а играет на нем. Это то, чего можно достичь только с помощью свободы и естественности, за обязательное наличие которой выступает Мартьянов.

Есть такое мнение, что он спит на уроках. Тем самым он создает вид своего отсутствия. Не выступает в роли постоянного надзирателя, а дает возможность ученику на уроке самостоятельно вникнуть в произведение, усвоить то, что ему объяснили. Самое интересное, что, «проснувшись», он четко знает, где была не та аппликатура, например. Это меня (да и не только меня) всегда удивляло и поражало, ведь казалось, что он сейчас ничего не видел.

У Эдгара Георгиевича потрясающее чувство юмора, огромное количество историй и широчайший кругозор. О многих великих музыкантах он знает не из книг. Например, с Рихтером он был знаком лично, а Горовица вживую слушал его отец. До сих пор он постоянно развивается, слушая в интернете различные записи, читая книги и посещая концерты.

Одно из главных качеств, которыми обладает Э.Г. – это величайшее терпение. Нет крика, разрисованных нот. Хочется отметить внутреннюю культуру, которая никогда не позволяет унизить студента. Если студент хочет научиться и есть отдача, то Э.Г. найдет множество способов для того, чтобы обучить его. Если студент относится пренебрежительно, то на него не следует тратить нервы. Когда долгое время не можешь что-то выучить, ленишься, то слышишь: «Голубушка, это что такое?». Скажу честно, действует моментально, на следующий урок приходишь подготовленным.

У Эдгара Георгиевича есть понятие «мой ученик». Он никогда не будет ругать напоказ, обсуждать с другими. Эдгар Георгиевич всегда очень заботится и переживает о своих учениках, старается воспитать из них не только хороших музыкантов, но и настоящих людей.

Э.Г. не только уникальный педагог и потрясающий человек, но и прекрасный музыкант. Музыкальный вкус, чувство стиля, тонкий слух — это то, что он воспринял от своей мамы. Шопеновское туше и бриллиантовая техника всегда отличали его игру. Конечно, после перелома руки несколько лет назад играть стало намного сложнее. Но не только классика увлекает Эдгара Георгиевича, он очень любит джаз. Когда я приходила на специальность, очень часто слышала джазовые импровизации в его исполнении. В перерывах между учениками он часто импровизировал. Как же это важно, чтобы педагог был мастером не только на словах!

Я благодарна Эдгару Георгиевичу за то, что он явился моим первым и основным наставником в музыке. С каждым годом я все больше его ценю и поражаюсь его мастерству и профессионализму. Не сосчитать, сколько раз я приходила к нему за помощью в исполнении различных произведений, и он мне безвозмездно помогал и помогает до сих пор. Достаточно было пяти минут занятий с Э.Г., чтобы я поняла, как нужно играть, в то время как над этим же местом работала с профессором не один урок.

Я знаю, что его ценит огромное количество учеников, профессионалов, и очень хочу, чтобы в том колледже, в котором он работает более половины своей жизни, его ценили и уважали, прислушивались к мнению и давали возможность пианистам обучаться у такого профессионала.

Эдгар Георгиевич Мартьянов

Евгения Юдина,
выпускница ГБПОУ ВО «ВОМК им. А.П. Бородина» (2015)

В обучении фортепианному исполнительству мне посчастливилось пройти через золотые руки. В музыкальной школе это была Галина Николаевна Галат, в колледже – Эдгар Георгиевич Мартьянов. Редко встретишь преподавателя, которого с полной уверенностью можно назвать настоящим наставником.

Его педагогический почерк отчетливо слышен в игре каждого из его учеников, независимо от времени, прошедшего со студенческих лет, и количества педагогов, занимавшихся с тем или иным бывшим его студентом, уже окончившим колледж. Я как пианистка больше занимаюсь сейчас эстрадными стилями исполнительства, но, даже находясь на другом берегу

океана музыки, в самых сложных ситуациях вспоминаю его бесценные советы и те бесконечные притчи, которыми он «сыпал» на уроках.

«Дураки учатся на своих ошибках, умные – на чужих», – поговаривал он... И мы торчали в «пятидесятом» (номер его класса) по три, четыре часа – все свое свободное время, слушая друг друга. «В здоровом теле – здоровый пульс», – кто бы мог подумать, как явно откликнется в моей жизни одна из излюбленных его поговорок! Сейчас я изучаю влияние ритмов и ритмики на двигательно-когнитивное развитие детей, посредством занятий ритмикой помогаю им научиться ходить, говорить, успевать в школе...

Уроки у Эдгара Георгиевича никогда не бывали формальными, – во всяком случае, для тех его студентов, которые действительно «хотели и могли». Вспоминается множество забавных и показательных случаев. Помнится, у Эдгара Георгиевича был один студент, который уверял, что не занимается должным образом только потому, что программа, которую ему дают по специальности, слишком проста. В следующем полугодии этот студент получил в программу «Исламей» Балакирева.

С улыбкой вспоминаю, как играла один их этюдов «Gradus ad Parnassum» Клементи. Это был «сложнючий» октавный этюд – Эдгар Георгиевич всегда давал на технические зачеты действительно сложные этюды, решающие те или иные конкретные проблемы каждого из студентов, и редко напрямую заботился о том, чтобы за технический зачет его студенты получали хорошие отметки, – поскольку для этого требовалось бы исполнять более удобную программу.

Так вот, этот мой «сложнючий» этюд был еще и очень длинным. Зато как Эдгар Георгиевич был горд за меня, когда я его все-таки выучила! Это был своего рода рубеж, победа над определенными техническими пробелами, с которыми мы боролись почти год. Когда я начинала исполнять этот этюд (уже в готовом варианте), он просил студентов, находящихся на тот момент в кабинете, куда-нибудь ненадолго отлучиться. Когда они возвращались минут через семь-десять, а я все еще играла этюд, Эдгар Георгиевич реагировал на это каждый раз с неподдельной радостью, обращая всеобщее внимание на длину этюда и мою выносливость.

Вообще, мне кажется, что никто не умеет так гордиться своими учениками, как Эдгар Георгиевич. И волновали его, в первую очередь, не оценки ребят, а их личные победы над собой и над своими исполнительскими проблемами и трудностями. И, что важно, он обязательно обращал внимание самого студента на его успех. Часто он говорил, к примеру, как здорово было бы, если бы в его кабинете стояла камера, которая могла бы запечатлеть весь прогресс каждого из студентов, их постепенное освобождение от вечной

проблемы пианистов – мышечных и психологических зажимов, от тех или иных технических недостатков. Я научилась у него останавливаться время от времени среди жизненных неурядиц и вечной спешки, выдыхать и говорить себе, что я все-таки молодец.

Мне всегда казалось, да и до сих пор кажется, что и сам Эдгар Георгиевич, и его студенты – всегда считались «другими». Как-то на академическом концерте меня спросили, «как кто» я исполняю «Баркаролу» Шопена. Я застыла в недоумении. Для меня, «мартьяновской», подобный вопрос находился за пределами всяческого понимания. Все мы, студенты Эдгара Георгиевича, действительно, много слушали мастеров, – но никому из «наших» не пришло бы в голову играть, «как кто-то». Мы играли, как мы, – возможно, допуская иногда несовершенства интерпретации, но зато воспитывая в себе самостоятельного музыканта. На третьем курсе колледжа я играла «Картинки с выставки» Мусоргского – цикл пьес, исполнение которых невозможно «скопировать» с кого-либо в принципе. Играй сам, или получится мертво. Это была бесконечная работа над «правдой» звука, выпуклостью и глубиной образов, работа с педальными красками, тембрами. Работая над «Картинками», я впервые начала с Эдгаром Георгиевичем спорить. И он впервые начал отходить в сторону, давая свободу моей интерпретации, – если я могла убедить его своим исполнением в том, что эта интерпретация имеет право на жизнь. Он учил своих студентов не тому, «что делать», а тому, какими техническими приемами добиться того, что хочет получить сам студент. Указывал не столько на сам образ или характер, а на то, какими средствами можно «вылепить» его наиболее качественно.

Каждый раз, садясь за инструмент, я напоминаю себе, что могу все. И если я не умею этого прямо сейчас, спустя несколько занятий моя цель, конечно же, обязательно будет достигнута. Бесконечная благодарность Эдгару Георгиевичу за эту уверенность.

Эдгар Георгиевич Мартьянов

Мария Наумчук,
студентка ГБПОУ ВО «ВОМК
им. А.П. Бородина» (1 курс)

Я познакомилась с Эдгаром Георгиевичем Мартьяновым на консультации в Муроме. Он мне понравился с первого раза. На первой консультации он разбирал мои ошибки в произведениях. Эдгар Георгиевич

объяснил мне, как правильно должна лежать рука на фортепиано и как нужно сидеть, чтобы качанием не мешать себе играть на инструменте.

Перед поступлением, я несколько раз ездила к нему на консультации. Его помощь помогла мне поступить в колледж. Поступив сюда, я еще больше ознакомилась с методами преподавания. Он учит меня тому, что рука должна быть совершенно свободной, вес надо переносить на кончики пальцев, которые не должны отрываться от клавиш. Зажатие руки часто происходит от первого пальца, который от зажима не двигается и мешает остальным пальцам хорошо играть. Если нужно передвинуть руку в другую любую октаву, то локтем двигать нельзя, стоит только чуть-чуть раздвинуть подмышку, как рука оказывается в другой октаве.

Когда играешь, нужно слушать музыку ушами, лучше даже закрыть глаза и играть. В произведении надо соблюдать ритм, «здоровый ритм, здоровый пульс!» – говорит Эдгар Георгиевич. Хорошая техника будет только тогда, когда человек будет совершенно свободным, не зажатым.

Эдгар Георгиевич нравится мне тем, что он понятно объясняет, никогда не кричит на меня, он спокойно корректирует мои ошибки и просит их исправить, не давит морально, он действительно научит меня профессионально играть на фортепиано. Благодаря Эдгару Георгиевичу я становлюсь свободной.

Слово о Мартьянове Эдгаре Георгиевиче

Андрей Игнатенко, отец выпускницы
ГБПОУ ВО «ВОМК им. А.П. Бородина»
Софьи Игнатенко

Нас познакомила Неля Васильевна Ильина, первый педагог Сони. Учеников, в музыкальную судьбу которых верила, она традиционно вверяла своему учителю – Эдгару Георгиевичу Мартьянову, чтобы уж, как говорится, решить ее бесповоротно и окончательно. Это я понял сразу же, на первом прослушивании, где присутствовал на правах родителя подающего надежды чада. Понял и восхищенно покорился. Соня еще сопротивлялась, но была «обречена».

Каждая такая встреча становилась событием (думаю, для Сони это верно и до сих пор). Казалось, вот-вот я сам что-нибудь изображу на клавиатуре – увлеченный меломан и музыкальный неуч – так ясно и точно подсказывал и объяснял Эдгар Георгиевич игру дочери. В конце концов,

комментарии выливались в увлекательный монолог: с юмором, неожиданными сравнениями и образами, нестандартными оценками хорошо знакомых произведений. Мир музыки открывался для меня изнутри, замысел автора становился несомненным, как будто он сам поделился им со мной.

К сожалению, не так часто мне удавалось бывать на Сониных занятиях с Эдгаром Георгиевичем, и я предвкушал такую возможность с нетерпением. Маленький моноспектакль, никогда не повторяющийся, веселый, интересный, информативный, главные герои которого непременно музыка и люди, творящие ее – вот что такое обычный урок этого талантливого преподавателя. По крайней мере, такими их заставал я. И для меня эти встречи не прошли бесследно, а у дочери не оставалось никаких шансов изменить свою судьбу, попав во власть обаятельного, эрудированного, искреннего человека и педагога. И будущее ее, уверен, навсегда связано с музыкой. Чему и Соня, и мы, родители, видя, как счастлива она в любимом деле, безмерно рады.

Дочери я по-хорошему завидую: большая, редкая удача встретить на своем жизненном пути настоящего наставника. Тем более, когда он обладает уникальной методикой, неформальным подходом, личным отношением к предмету. Я знаю, что сердце Сони полно любовью и преданностью к своему дорогому учителю, и за это я благодарен Эдгару Георгиевичу, может быть, больше всего.

Низкий поклон от лица многих поколений родителей за любовь, щедрость, человечность и бескорыстие к нашим детям. За служение и верность долгу. Спасибо!

Э.Г. Мартьянов с Е. Голенко

Э.Г. Мартьянов с Ю. Черновой

Э.Г. Мартьянов с Ю. Черновой

Э.Г. Мартьянов с Ю. Черновой

Э.Г. Мартьянов с Е. Юдиной